

У Тани в жизни будет несколько собак, хотя ни одну из них она и не подумала бы заводить нарочно. Ни разу она не поедет в питомник для придирчивых осмотров перед выбором щенка и не станет платить за него деньгами, чтобы забрать с собой в специальном такси с услугой перевозки домашних животных. Нет, каждая её собака будет объявляться сама, каждая протяжно заглянет в глаза и вдруг привяжется невидимой пуповиной к сердцу.

Однажды весенним днём Таня вышла с переполненным ведром к мусорке. Солнце ласкало кожу теплом, но из-за угла налетал резкий ветер, и приходилось всё время держать ведро так, чтобы все эти обрывки газет, тонкие картофельные очистки и луковая шелуха не разлетались по асфальту. Сама эта странная погода внезапно напомнила Тане, что ей уже больше двадцати и она теперь живёт в другой стране, у которой скукожились границы, где отменили комсомол и где теперь есть секс. Даже слишком много секса.

Именно из-за этого они снова поругались с Вадимом. Его дела так резко пошли в гору, что теперь пришёл черед «Мерседеса» вместо привычного «Москвича-2140». А ещё он завёл себе другую — крашеную блондинку с рыбьими глазами и хрипловатым грудным смехом. И Таня, узнав об этом, наконец-то решила всерьёз с ним поскандалить, но как-то быстро ослабела и уже через десять минут сама не верила своим словам. Она то переходила на визг, то, наоборот, что-то мямлила, повторяя одно и то же, и никак не могла надолго поднять взгляд. Вадим отвечал отрывисто, но уверенно. Да, он её муж, но он человек нового времени, он идёт к успеху, у него теперь другой статус, и ему необходимы свободные отношения. Положена мне любовница, понимаешь?.. Пока не привыкла, можешь пожить отдельно. Нет, не привыкну, Таня по одному выгалкивала из себя слова. Тогда — вот, и Вадим шлёпнул по столу пачкой купюр.

Она застыла с гримасой презрения и мўки. Но когда муж вышел, Таня, пометавшись по комнате, как по чужой и незнакомой территории, всё-таки забрала эти деньги — никаких других у неё не было. Их хватило на два месяца съёма квартиры, а ещё

на большой мешок гречки, запас мясных отходов и супродуктов.

Таня перевезила свой скарб на садовой тачке с одним колесом. Трижды выгалкивала её в горку среди бела дня и трижды, погромыхая, скатывала обратно. Когда с Таней здоровались, она едва слышно отвечала и очень старалась сделать вид, что так и надо, а она занята самым обычным, всем понятным делом. Затем всё разложила и развесила на новом месте. Вымыла пузатый пустой холодильник и оконные стёкла. Отскребла полы, перестелила кровать. Включила старый телевизор с рябью на экране и с жутко скрипящими голосами. Ходила-ходила-ходила по комнате и кухне взад и вперёд, два шага влево к телефону, потом три вправо, и уже готова была взвыть.

На второй такой вечер Таня не выдержала. Сначала позвонила подруга Нина, которая собиралась её навестить, но теперь сообщила, что сможет забежать только завтра. Таня глухим голосом ответила, что всё понимает. Она ещё постояла, замерев, а потом достала обтягивающее тёмное платье, которое ни разу не надевала после замужества. Приготовила туфли на самом высоком каблуке. Во всём этом Таня чувствовала себя совсем другой. Сосредоточенно, как индеец перед выходом на тропу войны, накрасив губы и подведя ресницы, она пошла в ближайший бар.

Там гудела оглушительная музыка. Рядом со стойкой переминался парень, похожий и не похожий на Вадима. Выше, стройнее и, кажется, без лишних понтов. Совсем ещё трезвый и пока застенчивый. Таня приблизилась к нему и заговорила. А он, кажется, не верил происходящему и с усилием рещался на каждое слово.

— Угостишь меня коктейлем? — подсказала Таня. — Да-да, — засуетится он.

«Какое же гадостное пойло», — думала Таня и отворачивалась, чтобы скривиться украдкой.

— Тебя как зовут-то?

— Ваня...

— А я — Та... Тамара.

— Царица?

— Сегодня — да. Пошли танцевать, — махнула она рукой изумлённому парню.

Они потанцевали. Ваня двигался в такт, но тело казалось отдельным от взгляда и лица. Надо

было вливать в себя ещё три коктейля и два джина без тоника—тогда всё стало лёгким и насыщенным одновременно. И только музыка... музыка... музыка! Как же всем весело... Как же?..

Теперь она купалась в этих жадных мужских взглядах. Танцевала, не прерываясь, долго-долго, отшвырнув туфли, плясала, стремясь выплясать босыми ногами, выдернуть с корнем всю эту боль, которую пришлось возвращать и носить в себе. Потом в изнеможении споткнулась, и чьи-то руки крепко и надёжно её подхватили. Не хотелось вглядываться и узнавать, чьи они. Не было сил спрашивать, куда её ведут, уводят, увлекают. Это точно был не Ваня, нет, кто-то опытный и сноровистый. Не терпящий долгих заминок, способный срывать одежду и сжимать тело до хруста. Вокруг пульсировала жаркая темнота. Платье задрано кверху. Кто-то безмянный делал своё дело, ритмично посапывая. Она не сопротивлялась, чувствуя, что сейчас могло быть только так. Да, ближе... да, вот так... да, без нежностей... только бы знать: ей тоже что-то положено! И чтобы всё уже закончилось скорее.

Она, пошатываясь, встала с влажной скамейки. Животу и ногам стало холодно.
— Проводить?

Какую противно-самодовольный у него голос!

Она, не глядя, отмахнулась. Босиком добрела до нового дома, поднялась на свой этаж и упала на диван. Не получалось ни сдвинуться, ни уснуть. Из-за стены отчётливо доносилось стариковское кряхтение. На другом конце комнаты часы пульсировали странными звуками. Дважды включался и замирал холодильник. Тело болело. В душе стало совсем пусто. Так и пролежала с закрытыми глазами до трёх часов дня.

В три часа явилась подруга Нина. Не разуваясь, она энергично прошла по комнате, выглянула с кухни во двор и присела к столу выпить чаю. Печенье у неё было с собой. Таня чувствовала, что подруга настроена выслушать про их разлад с Вадимом. Но сегодня она не могла об этом говорить. Надо было либо делиться всем, как на исповеди, либо не заговаривать вовсе.

Нина, понятное дело, удивилась её сдержанности, но постаралась не подать вида. Перевела разговор на свою работу—она не первый год трудилась кинологом. С собаками Нина была требовательной, а с людьми деликатной. Окончательно поняв, что откровенного разговора сегодня точно не случится, она двумя глотками допила чай из чашки и тут же вспомнила, что именно сегодня ей надо зайти на почту. На прощание она раскрыла сумку и протянула Тане книжку в чёрной обложке с большими белыми буквами: «Мишель Нострадамус. *Центурии*».

— Вот, почитай. Там про будущее—ничего не понятно, но очень интересно.

Таня приподняла и перевернула ведро над мусорным баком. И тут же заметила его—высоченного тощего дога с потерянным взглядом. Его нельзя было не заметить. Он выглядел аристократом, доведённым до последней крайности. Бока ввалились, а рёбра выпирали, едва не протыкая шкуру. Дога пошатывало от голода. Он принялся к целлофану и картофельным очисткам. Неподалёку в пыли лежала толстая кость.

Вдруг он заметил Танин взгляд и резко вскинулся, как от пощёчины. Всё это было для него позором. Таня осторожно приблизилась. Негромко поцокала языком, пальцами дотронулась до загривка. Он дал себя поглядеть, безучастно уставившись в точку.
— Ну, хороший мой, пошто, пошли, пошли,—позвала его Таня.

Дога медленно оглянулся и последовал за ней. В подъезд он вошёл первым. На площадках оставался и спрашивал взглядом: здесь? Они поднялись на третий этаж. Таня раскрыла перед ним обе двери, вторая была полупрозрачной и открывалась внутрь. Подозрительно озираясь и пригнувшись, пёс вошёл в квартиру.
— Как тебя звать-то?—спросила Таня.

Дога приподнял голову и коротко стукнул хвостом.

Таня тут же закинула мясо в самую большую кастрюлю, залила её водой, досыпала гречки и стала варить. Под крышкой забурило. Запах распространялся всё сильнее. Дога сидел в коридоре, но вытягивал шею на всю длину и нетерпеливо заглядывал в кухню.

Насыпав дымящейся мясной каши в большую миску, Таня немного выждала и наклонилась, чтобы поставить её на пол. Дога не мог дольше сдерживаться и рванул к еде. Тане показалось, что ещё горячо, и она выставила вперед свободную руку. Пёс глухо зарычал, оскалив зубы.

Таня со стуком выпустила миску и медленно сползла по стене, неотрывно глядя на ощеренную морду сквозь мутную пелену нестерпимой обиды. Снизу вверх. Она вдруг вспомнила, как подруга-кинолог Нина предупреждала, что допускать такого нельзя никогда: любая собака, посмотрев сверху, чувствует себя вожаком, хозяином положения. Но Таня уже ничего не могла с собой поделать. Все слёзы последних месяцев прорвались наружу.
— Ах ты! Т-такой же-е-е... как все мужики! Я тебе мясо варю... покормить хотела... Уйди от меня, убирайся отсюда!

Он никуда не ушёл и не накинулся на еду. Его взгляд будто прояснился. Он сел рядом и вылизал её лицо своим тёплым шершавым языком.

Прошло три месяца. Дога, которого Таня назвала Малышом, поправился. Он резво сбегал по ступенькам, носился по двору, по улицам и парку, чудом вписываясь на длинных лапах во все повороты. Иногда осторожно вставал на задние

и заглядывал Тане в лицо. Дома он всегда ложился на коврик, а если передвигался, то с крайней предупредительностью.

Таня выходила из квартиры всё с тем же ведром. Она едва успела прикрыть вторую дверь с полупрозрачным стеклянным окном и задвинуть шпингалет снаружи, когда заметила незнакомого мужчину лет под пятьдесят, с седыми волосами по плечи, который поднимался к ней на площадку. С его правой руки свисал потёртый поводок с пустым ошейником.

— Это вы из десятой квартиры? — зацепившись прищуренным взглядом, хрипло спросил он.

Тане показалось, что он нарочно протрезвел ради их встречи. И всё-таки при каждом раскрытии рта и шумном выдохе до неё докатывалась волна перегара

— Да, — подтвердила Таня. — А вам кого?

— Это вы мою собаку себе забрали? Чёрного дога?

Таня поняла, что перед ней хозяин Малыша... или как его звали раньше? Она не знала, что ответить. Врать бессмысленно. Все соседи подтвердят, а тётка напротив точно всё выболтает.

— Так вот — собака моя, — продолжил мужчина. — Кобель. Ему теперь год и два месяца.

— А откуда я узнаю, что он ваш?

— У меня документ на руках. Кличка. Происхождение. Он же Ромуальд Бургундский.

Мужчина достал из-за пазухи и развернул сложенный вдвое бланк.

— Вы сами понимаете, до какого состояния его довели?

— Это не ваше дело. Я его заберу, он дорогой.

Было видно, как заходили желваки. Мужчина, видимо, прикидывал, отодвинуть ли Таню в сторону или настоять, чтобы сама открыла.

— Вас как зовут? — Таня оттягивала время, судорожно пытаясь найти выход.

— Юрий Гаврилович, с Лагерного. Отворяй уже...

И только Таня протянула руку, как в этот самый момент донёсся резкий рык. Пёс, мирно

лежавший на коврике в углу, узнал ненавистный голос и рванулся к двери. Всеми девяньюстами килограммами своего веса он с утробным рычанием кидался на дверь, которая держалась только чудом. Слюна текла по стеклу. Таня оторопела, а потом медленно перевела взгляд на Юрия Гавриловича.

Тот съёжился и вжался в стену напротив, поняв, что если дверь не выдержит, ему уже не скрыться. На его побелевшем лице выступили землястые пятна. Таня даже заметила, как его седые волосы снова меняют цвет. Или так показалось в тусклом свете лампочки.

— Сейчас я открою, и вы его заберёте? — спросила Таня.

Юрий Гаврилович не сразу её расслышал, а затем резко замотал головой.

— Н-н-не надо, — сдавленно прошептал он.

— А если не поладите, я не при делах.

Зажмурившись, он мотал головой из стороны в сторону, как заводная кукла.

— Тогда хорошо запомните эту квартиру, этот дом и этот двор. И больше никогда сюда не приходите. Понятой вам, Юрий Гаврилович?

Его голова теперь задёргалась сверху вниз: судорожно кивая, он протянул свой бланк в руку Тане. И стал задом спускаться по ступенькам, не отрывая взгляда от грохочущей двери.

Хлопнула дверь в подъезд. Удары стали понемногу стихать.

— Малыш, это я.

Открыла дверь и вошла. Мусор из полного ведра посыпался на пол.

Таня села и долго не могла подняться. Ей казалось, что сейчас он перестанет прикидываться собакой и заговорит. И про всё-всё ей расскажет, как Нострадамус, только короче и понятнее. Но он встряхнул головой и едва слышно о чём-то прорычал.

Таня с мужем мирились ещё дважды, а потом разошлись насовсем.